

ЗАПИСКИ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩЕГО

Я стал делать эти записи просто так, как говорится, от нечего делать, заполняя тем самым свободное от процедур время. Но уже к середине моего пребывания здесь мне показалось, что во всём происходящем в этой клинике есть много типичного и даже обобщающего для немецкой медицины. И, учитывая, что эти записи могут носить полезный информационный характер, я вернулся к уже написанному, и насытил текст может быть даже малозначительными подробностями. А вдруг кому-нибудь пригодится.

Направление на лечение в клинику Бланкенштайн, где используются главным образом методы нетрадиционной медицины, я получил неожиданно – негаданно. Что конкретно при этом имелось ввиду я совершенно себе не представлял. Но, как говорится, доктор сказал: «Резать!» - будем резать. Надо же! Вновь преследуют тени прошлого. Сейчас припомнился любимый фильм «Покровские ворота» и фраза: «Резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонита».

Итак, надо ехать. В 6 утра прозвенел будильник. Пора. Клиника находится в окрестностях Бохума и дорога в общей сложности занимает почти три часа. Пешком до трамвая, трамваем до вокзала Кёльн-Дойц, дальше региональным экспрессом до вокзала в Бохуме, а уже оттуда полчаса автобусом до Бланкенштайна. Городок Бланкенштайн расположен среди отрогов Рейнских сланцевых гор. Пребывание в клинике рассчитано, как стояло в информационном письме, на 12-18 дней. При этом не всё перечисленное в письме, как впоследствии выяснилось, следует принимать всерьёз.

Осень. Тащить с собой вроде бы нужно много всякого. Это и одежда, и обувь на разную погоду, и всяческие гаджеты на все случаи жизни, включая ридер и нетбук. Чемодан собран, но поднять («Когда дряхлеющие силы...») невозможно. Спасает лишь вера в светлое будущее и то, что чемодан всё же на колёсном ходу. Однако, как показало ближайшее время, мой оптимизм был явно избыточен. До трамвая мы с чемоданом, превратившись практически в одно целое, дотащились относительно благополучно. Главные неприятности начались в Дойце. Очевидно у всех эскалаторов на моё еврейское счастье была стоячая забастовка. И, если с платформы метро-трамвая был всего один лестничный пролёт, то к платформе поезда нам с чемоданом нужно было одолеть таких четыре марша. Но мир не без добрых людей. Едва живой я выпер своего тяжеленного спутника на площадку первого пролёта и тут спускающийся сверху молодой человек любезно предложил свою помощь. Предполагаю, что к тому времени я представлял собой весьма жалкое зрелище. Впервые в жизни я ощутил на себе негаданную прелесть гуманитарной помощи. Надо сказать, что пришёл я окончательно в себя лишь на подъезде к Бохуму. Мы с чемоданом кряхтя вывалились из вагона и довольно быстро нашли остановку нужного нам автобуса. До его прихода оставалось 15 минут, что было тоже весьма кстати. Проехав ожидаемые полчаса, нас с чемоданом высадили на оживлённом перекрёстке небольшого городка, аккуратно разбросанного по красивому холмистому ландшафту.

Фото клиники

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Прокувыркавшись по многочисленным подъёмам и спускам мы с чемоданом достигли наконец вестибюля больницы, где без лишних разговоров мне вручили пачку каких-то бумаг и отправили для регистрации на пятый этаж. Там нас подхватила тучная пожилая сестра и устроила мне допрос с пристрастием, заполняя при этом абсолютно неразборчивым почерком принесенные формуляры. Затем она всунула мне в рот термометр, грубо обойдясь с моим языком, измерила давление и повела в комнату, где предстояло жить ближайšie две недели. Это была двухместная палата со стандартным набором сервиса. Моим соседом оказался очень симпатичный пожилой человек из Билефельда, примерно моего возраста, который представился – Вильфрид Айкер. До выхода на пенсию он работал в фирме, оказывающей помощь людям с неполноценной психикой. Так что, принимая во внимание моё увы явно неполноценное владение немецким, у него хватало терпения меня выслушивать и относительно благополучно со мной общаться. Вильфрид старательно и по мере возможности обстоятельно отвечал на все мои порой странные вопросы, демонстрируя интеллект и достаточно широкий кругозор. Вообще же, теперь уже двадцатилетний мой опыт пребывания в Германии позволяет сделать вполне очевидный вывод, если тебя хотят понять, даже при весьма скромных твоих языковых возможностях, то взаимопонимание достигается быстро, и общение становится реальностью. Если же ты собеседнику не интересен, или, что ещё хуже, по какой-либо неизвестной причине неприятен, то общение превращается в муку или вовсе становится невозможным.

Не успел я как следует разложить свои вещи и (УРА!!!) освободиться, наконец, от чемодана, как за мной пришёл, как вскоре выяснилось, мой палатный врач – якутско-монгольского вида с трёхступенчатой непроизносимой фамилией. Я вручил ему привезенные заключения моих кёльнских врачей, которые он сразу отложил в сторону, даже не глянув в них. И снова допрос, но уже с двойным пристрастием. По сути мне надо было отвечать на те же вопросы, которые только-что мне задавала сестра. Фамилия, имя, год и место рождения, вес, рост, перечень моих болячек и принимаемых медикаментов. У меня сложилось впечатление, что они просто проверяли мою память или даже родственные отношения с господином Альцгеймером. Удовлетворившись моими ответами, доктор сказал, что их клиника это как раз то, без чего мне ну никак. Короче, «то, что доктор прописал». Сегодня вечером (почему вечером?) он сделает все необходимые назначения и с завтрашнего дня за меня возьмутся, как следует.

Уже вечером дежурная сестра принесла мне одежную щётку средней величины и объяснила, что каждое утро я должен до лёгкой красноты массировать этой щёткой по определённой схеме руки, ноги, грудь и живот. При этом улучшается приток крови к натёртым местам, а заодно и очищается кожный покров. И действительно, тело активно разогревалось, но при этом с меня сыпалась труха. Далее выяснилось, что в 6 утра у меня назначена тепловая процедура - укутывание плечевого пояса. Я поставил будильник и полночи не спал в ожидании этого чего-то.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В назначенное время в комнату ворвалась сестра с бодряческим пожеланием доброго утра, хотя подъём в 6 утра для меня априори не может быть добрым. Она разложила на большую простыню мягкий носитель тепла, на него подушку с ароматным сеном. Всё это укрыла большим полотенцем, а поверх этой роскоши сестра угнездила моё страдающее тело и стала пеленать. В результате на кровати осталась лежать то ли большая кукла, то ли пародия на египетскую мумию. Справедливости ради нужно сказать, что это были самые приятные 30 минут этой ночи. Такую процедуру в течение дня мне будут делать дважды. перед завтраком и после обеда. Так начался второй день.

Утренние мероприятия завершились сюрпризом. Сестричка принесла миску, в которой лежал полиэтиленовый мешочек с горячей болотной грязью. Отдельно она выдала мне баночку с вазелином, маленькую щётку и полотенце. Получив от сестры необходимые указания, я смазал ногти вазелином и, окунув кисти рук в принесенную грязь, стал её мять, обжигаясь и морщась от отвращения. Начальная длительность процедуры - 5 минут с последующим добавлением по одной минуте ежедневно. Руки представляли собой натуральное свинство, но, благодаря щёточке, их не без труда всё же удалось отмыть. Такое чумазое у меня теперь будет каждое утро.

В 11 часов нас собрали в большом зале и вплоть до обеда компостировали мозги, убеждая в преимуществе лечения природными и нетрадиционными средствами. На мой взгляд это была просто пустая болтовня или, как говорят немцы – бла-бла-бла. После обеда нас - группу ревматиков принуждали делать оздоровительную гимнастику. В этой группе, состоящей из восьми человек, я был единственным представителем мужского пола. Вообще, больничный контингент состоит в основном из женщин, что вполне коррелируется со статистическими данными. Перефразирую текст старой песни скажем: «Незамужние (уже) старушки составляют большинство». Под вечер мои колени укутали холодными компрессами, которые я должен был терпеть на себе на протяжении 4-х часов. А уже совсем перед ночью мне для улучшения сна и качества сновидений к зоне сердца приложили тряпицу пропитанную лавандовым маслом.

Если к этому добавить, что трижды перед едой я принимаю гомеопатические обезболивающие капли, то, пожалуй, второй день моего пребывания будет почти полным. Почти, поскольку я не хочу касаться еды, предназначенной для пациентов, использующих исключительно натуральные продукты, природные средства и методы. Меня сразу начинает поташнивать, лишь только вспомню это меню. Хотя, всё безусловно свежее, но какая гадость!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Этот день оказался тяжёлым. Опять в 6 утра первая процедура (уже начинаю привыкать), опять щёточный массаж большей части тела и обычные утренние процедуры, которые хочется успеть до завтрака. За завтраком давился бутербродом с сыром на жутком зерновом хлебе. При этом вынужден был торопиться, поскольку на 8-30 назначена следующая процедура – гимнастика в бассейне. Не успел толком высохнуть, как меня отправили в нечто до сих пор мне неведомое. Там меня встретил улыбчивый толстенький человек небольшого роста с роскошными вьющимися седыми волосами до плеч. Это был физиотерапевт. В Германии люди этой профессии относятся к категории среднего медицинского персонала. Самым поразительным было то, что он оказался слепым. При этом всё, что он делал, делалось легко и уверенно. Он завёл меня в большую комнату, где моему зору открылось странное сооружение, напоминающее снаружи огромную ванну, в которую вровень с её краями встроена столешница, устланная чем-то горячим и мягким. Мне было велено сбросить с себя всю одежду, подчёркиваю всю, и лечь на горячую столешницу. Медбрат укутал меня махровыми простынями и клеёнкой, и я стал медленно опускаться. В результате всё моё тело утонуло в чём-то горячем и обволакивающем. Это что-то оказалось болотной грязью. Из гуманных соображений мой организм, благодаря укутыванию, был лишён тактильного контакта с грязью. Но, как говорится, танки грязи не боятся. Однако нагрузку почувствовал. Вообще же, когда платформа вместе со мной стала опускаться, я почему-то припомнил крематорий.

Собрав волю в кулак, отдал себя в руки массажистке, которая с какой-то весёлой удалью, как мне показалось, пыталась содрать с меня шкуру. Утешило лишь нежное поглаживание под конец сеанса. Затем для облегчения моей артрозно-коленной участи меня препроводили на необычную электропроцедуру. Я 20 минут лежал, просунув ноги в ярко-жёлтый тор, который был излучателем электро-магнитных волн. С трудом передвигая ноги, я добрался до

своей кровати. Но не долго музыка играла. Пришлось, преодолевая отвращение подниматься в столовую. Однако, на сей раз обед приятно удивил. Нам- натуралистам предложили вкусную отбивную из какой-то дозволенной птицы. А после обеда меня снова угревали горячим сеном. Теперь скажите мне, добрые люди, какое надо иметь здоровье, чтобы выдержать такое лечение (8 процедур за день). Я уже не говорю о стандартных физиотерапевтических процедурах (массаж, гимнастика в воде и др.), которые также входили в мой лечебный план.

В середине дня у меня сильно разболелась голова. Пришёл мой доктор и натыкал в мой страдающий череп пару десятков иголок, которые, как мне представилось, визуальнo компенсировали отсутствие волос. Но голове стало легче и я заснул. Спустя час собрался на прогулку. Я заставляю себя гулять по часу ежедневно. При этом возникают разнообразные болевые ощущения, которые, к сожалению, пока только усиливаются.

Сегодня добрался до старой части городка Бланкенштайна и обнаружил там городской музей и замок Бланкенштайн. Так что есть с чем знакомиться.

Дополнительным развлечением была борьба с моим компьютером, который никак не хотел подключаться к интернету. Мне вызвали больничного специалиста по этой части. Он долго возился, но ничего не достиг. Очень извинялся (тут мир вирклих лайд) и ушёл явно огорчённый. Ему я помочь не мог.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Начало дня от предыдущих ничем примечательным не отличалось. Правда, кроме бутербродов, которыми ежедневно давлюсь утром и вечером, я обнаружил варёные яйца и отвёл душу. Всё-таки какое-то приближение к домашним завтракам.

Сегодня в отделении было как-то особенно суетливо. Оказывается, ожидали еженедельное посещение шеф-арцта (это самый главный врач клиники). И действительно, в 10-00 распахнулась дверь и в палату энергичной поступью влетел шеф, а за ним втиснулась его молчаливая свита. Он подошёл ко мне и, взяв в руки мой лечебный план, поинтересовался моим самочувствием. Когда же я открыл рот, чтобы как всегда что-то бодрое ответить, шеф с нежной улыбкой протянул мне свою пухлую ладонь и сообщил, что моё пребывание заканчивается 5-ого октября. Пожелав скорейшего выздоровления, он поспешно переместился к соседу. Весь визит продлился не больше одной минуты. Вот что такое высокий профессионализм.

Пришло обеденное время. Не могу молчать! Впервые в жизни ел жаркое из тофу (тьфу!) и овощей. И хотя это было вполне съедобно, но организм вопиет: «Мне это за что?». Вот я и вынужден существовать здесь по принципу – «Вынесет всё - и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе....».

После обеда у меня была лишь одна процедура для отъявленных ревматиков. Нам вручили твёрдые резиновые мячи с шипами, которыми мы в течение 20 минут старательно мусолили все доступные поверхности тела. Казалось бы – вроде ерунда, но после этого я был весь мокрый.

С первого дня я установил для себя правило – хотя бы час в день гулять. Тёплая солнечная осень этому способствует. Но холмистая, хотя и очень красивая, местность затрудняет выполнение этой задачи. И всё же я сегодня добрался до центра Бланкенштайна и обнаружил там на Базарной площади вполне приличный городской (краеведческий-исторический) музей со свободным входом, что, разумеется, тоже повысило его рейтинг в моём представлении. Вообще же, чем больше я бываю в немецких музеях, тем больше восхищаюсь мастерством немецких музейных специалистов.

Если спуститься пару кварталов вниз от музея, ты упираешься в мощные стены замка Бланкенштайн, первые строения которой относятся уже к XIII веку. Название происходит от наименования строительного камня (гладкий камень), используемого при возведении

замкового комплекса. Сегодня над городом возвышается лишь хорошо сохранившаяся грозная сторожевая башня, в которой уютно разместился ресторан «Бург Бланкенштайн».

Фото замка

Пройдя вглубь двора, я нашёл возможность выхода на торец замковой стены, возвышающейся над глубоким обрывом. И, хотя меня там встретила строгая табличка – «Под собственную ответственность», всё же любопытство (или любознательность) взяло верх и я ступил на эту опасную тропу. Опасную потому, что там не было никаких ограждений. Где-то далеко-далеко внизу белели какие-то постройки. Передо мной открылась бездна, которая, как ни странно, почти физически ощутимо манила вниз. И тут я поймал себя на том, что начал пятиться. Поэтому дошёл до очередного выступа стены и остановился. Налюбовавшись открывшимся видом, припомнил гениальную строчку В.Высоцкого «Чую с гибельным восторгом - пропадаю!» и вернулся на твёрдую землю. Уже на выходе из замка увидел афишу, приглашающую в следующие субботу и воскресенье на рыцарский праздник. Я благосклонно приглашение принял.

А ещё мне, наконец, удалось подключиться к интернету. В соседнем здании в маленьком кафе есть доступный Wi-Fi, который безотказно работает, если заказать, например, чашечку кофе. Тут уж я потешил душу, поговорив по скайпу со всеми, кто светился зелёным; но самое главное – почистил почту. За 4 дня, пока я был вне зоны доступа, набралось более 50 входящих писем. Мои друзья всё время опасаются, что я пропущу какую-то важную или просто любопытную, на их взгляд, информацию. Вот я и выполняю регулярно функцию чистильщика. К сожалению, кафе работает только до 17-00. Но, как известно голь на выдумки хитра. Я предположил, что, во-первых, если расположиться в районе запертой двери, то волны всемирной сети меня обнаружат, а во-вторых, вряд ли хозяйка часто меняет код доступа. Притащив стул, я к удивлению мелькающего мимо меня персонала, свободно общался с доступным мне миром.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Отличительной особенностью сегодняшнего дня стало посещение нашей палаты обер-арцтом (заведующий отделением). В палату без какого-либо сопровождения вошёл измождённый (по-видимому нашими болезнями) мужчина средних лет с седой редкой растительностью на видимых местах. Первое, что он с улыбкой спросил: «Вы имми?» Я, естественно, не понял и переспросил. Он объяснил: «Так в Германии называют иммигрантов». Я весьма красноречиво на него глянул, не понимая, как на это реагировать, но он уже начал со мной говорить по существу моих жалоб. В результате, добавил мне ещё одну процедуру и волшебное обезболивающее средства – аконитовое масло. По-моему они считают, что мои процедурные возможности исчерпаны ещё не до конца, что совершенно не совпадает с моими ощущениями.

Сегодня нас опять собрали в лекционном зале на так называемые занятия по терапии порядка. Ой, не могу! Смех, да и только! Такое, мне кажется, возможно только в Германии. Изящная девушка тихим голосом, напоминающим мышинный писк при отсутствии опасности, явно смущаясь, что приходится взрослым тётям и дядям говорить прописные истины, убеждала нас в необходимости порядка во всём: в шкафу, в чемодане, в холодильнике, во время каких-либо занятий, работы или даже досуга. Но главный порядок должен быть в голове. Тоска! Хотя должен признаться, что интуитивно всю жизнь стараюсь жить именно так.

Дневная прогулка занесла меня в самое сердце этого городка. По крутым живописным склонам расположились шикарные малоэтажные особняки. И, хотя большого архитектурного разнообразия нет, общая картина радует не только владельцев этих домов, но и неискушённый глаз стороннего наблюдателя. При этом больше всего меня поразило количество одновременно возводимых строений. То там, то здесь видишь упирающиеся в небо величественные башенные краны, напоминающие стадо жирафов, общипывающих верхушки баобабов. Это позволяет сделать очевидный и оптимистический вывод – до серьёзного кризиса в Германии ещё далеко.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Шестой день – это суббота. Количество медперсонала в отделении уменьшается вдвое, что снижает, на радость нам, процедурную нагрузку. Не надо думать, что процедур совсем нет, но активных всего четыре и две пассивные. Это занятия по правильному дыханию (полезные), так называемая дыхательная терапия и получасовые показательные выступления по разгрузке позвоночника (вряд ли уже поможет). По окончании послеобеденной процедуры я с наслаждением позволяю себе так называемый в прошлом мёртвый час. Тогда ещё это слово с реальностью никак не связывалось.

Теперь, когда я имею возможность выхода в интернет, строю вторую половину дня так. Я спускаюсь в кафе, где два часа всячески использую эту возможность. Затем до ужина иду гулять. После ужина получаю свои наколенные компрессы с киттой (если я правильно понял, то это вытяжка из секрета улитки) и вновь сажусь за компьютер. На площадке у лифтов стоит замечательное мягкое инвалидное кресло, где я и обретаюсь. Остальной народ на это даже не претендует, возможно потому, что я в отделении один из старейшин (обратите внимание не старейших). А к 22-00 я уже в постели, в томительном ожидании бессонной ночи.

Сегодня я целенаправленно пошёл более тщательно обследовать Бург Бланкенштайн. Не доходя до входа в замок, обратил внимание на необычное оживление у евангелической церкви XVII века. Там только что завершился обряд венчания и прекрасные молодые в окружении родных и близких высыпали на улицу. Начались поздравления и объятия. Это было забавно. Никаких поцелуев. Они обнимались, положив головы на плечи друг друга, как лошади в брачный период, после чего начинались длительные похлопывания или

поглаживания по спине. Затем всем раздали стеклянные пробирки, как потом оказалось с мыльной жидкостью, заткнутые пробкой-ножкой с кольцом на конце и с ручкой в виде сердечка. И тут под общее ликование над головами новобрачных возникло облако мыльных пузырей, переливающихся всеми цветами радуги в солнечных лучах. Дёшево и красиво. Такова новая свадебная традиция.

Насладившись этим зрелищем, я продолжил свой путь в замок. Его первые стены и сторожевая башня были возведены из рурского песчаника (он же гладкий камень) ещё в тринадцатом веке. Менялись столетия и менялись замковые строения. До наших дней почти нетронутой временем сохранилась башня, возвышающаяся на 70 метров над долиной реки Рур. Башня имеет квадратное сечение со стороной в 9 метров. Вверху башни находится смотровая площадка, с которой открывается невероятной красоты вид на живописные берега речки Рур на фоне холмистого ландшафта, переливающегося всеми возможными оттенками зелёного цвета. Да, да, да! Я туда забрался, преодолев 129 высоких ступеней. Правда, восхождение заняло почти 20 минут, при этом мои физические и волевые запасы были исчерпаны. Но я горжусь собой и одновременно немецкой нетрадиционной медициной. А это всего лишь шестой день. «То ли ещё будет, ой-ой-ой!»

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Сегодня завершается первая неделя борьбы натуральных методов лечения с моим организмом. Очень интересно, кто же победит. После завершения ежедневных утренних процедур, включая завтрак, у меня было назначено нечто неизвестное – что-то связанное с лечебными травами. Однако, нас ждал настоящий сюрприз. Это что-то не состоялось. Ура!!! Пробита брешь в непробиваемой стене немецкого порядка. Причём никто никого ни о чём не предупреждал. Даже всезнающие сёстры лишь пожимали плечами. Так что, и на немецкую старуху бывает аналогичная проруха.

Дальше всё было по стандартной схеме: прогулка, обед, послеобеденное сенное укутывание, чай с лимоном и интернетом, снова прогулка, ужин, коленные компрессы, компьютер и отбой.

Целый день клиника была забита визитёрами. Целыми семьями приезжали провести своих близких. Благодаря возможности перекусить в больничной столовой (за деньги, разумеется) и в ближайшем кафетерии, гости задерживались, но окончательно убедившись, что их родным здесь ничего не угрожает, удовлетворённо разъезжались по домам. Я же слонялся между ними, изображая из себя круглого сироту.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Вот я и преодолел ровно половину своего лечебного цикла («свой путь, пройдя до половины...»). Но прежде чем продолжить хронологию моего здесь пребывания, ненадолго отвлекусь на обобщённое описание того, что мне бросилось в глаза за прошедшую неделю.

Отделение, в котором я нахожусь, сверкает какой-то нереальной чистотой. Причём достигается это абсолютно незаметно. Это касается не только палат, но и процедурных кабинетов, и иных мест общего пользования. Палаты оборудованы на одного, двух или трёх пациентов. Я был помещён в двухместную палату. В ней на довольно значительном расстоянии стоят две функциональные кровати с пультами управления. Рядом многофункциональные тумбочки (даже как-то совестно эту конструкцию так называть), которые, как Пифагоровы штаны на все стороны равны, и свободно вращаются во всех направлениях. У противоположной стенки с равными возможностями для обоих пациентов стоит шкаф, который венчает телевизор. По обе стороны шкафа распахнули свои крылья откидные столы, а рядом – стулья. Комната оборудована нишей с ещё одним шкафом и умывальником. За ней находится туалет и душевая кабина, рассчитанные на две палаты. Если туда заходит больной из одной палаты, то дверь из соседней палаты автоматически

блокируется. Кабины оснащены дезинфицирующими средствами и пакетами с тонкими резиновыми перчатками, на которых даже стоят их размеры. Во всех помещениях, имеющих двери, установлены динамики, позволяющие при необходимости вызвать нужного врача или просто пригласить к вечерней молитве в больничную капеллу. Разносящиеся по коридорам отделения децибелы звучат неожиданно угрожающе.

Что же касается команды медперсонала, то тут меня просто захлестывает чувство восхищения и благодарности. Они работают доброжелательно, участливо, всегда с улыбкой и чрезвычайно пунктуально. К примеру, если назначена процедура на 6-15, то точно в это время открывается дверь, и появляется медсестра. Это, с одной стороны, очень удобно, а, с другой стороны, дисциплинирует обе стороны. Прошу прощения за тавтологию. Очевидно в этом и состоит терапия того самого порядка. Ещё хочется сказать несколько слов о работе столовой. Каждый пациент получает блюда по прописанной врачом диете, что на раздаче контролируется сотрудниками столовой по предъявлению карточки определённого цвета. При этом в обед предлагается всегда новое блюдо, не всегда соответствующее твоему вкусу, но очевидно полезное и свежее. Кофе-автомат, с разными видами кофе и обязательные разнообразные овощи и фрукты. Последнее, что мне ещё хотелось бы отметить – ко всем процедурам ты получаешь белоснежные свежие до скрипа простыни или полотенца любых размеров, так что тащить с собой имеет смысл только полотенца для личного туалета. А это значит, что мы с чемоданом вполне могли избежать пережитой в первый день участи.

Уже который день подряд, после ночи раздёргивая для проветривания тяжёлые тёмно-синие портьеры, взгляду открывается удивительная картина. Всё обозримое пространство укутано нежно-молочным туманом, сквозь который едва угадываются пробивающиеся с востока солнечные лучи. Но не проходит и часа, как спадает небесный занавес и вновь перед тобой картина, достойная кисти лучших пейзажистов. По склонам холмов точно цветы, рассажённые умелой рукой садовника, проглядывают белоснежные дома, утопающие в сверкающей изумрудной зелени.

Однако, красота красотой, но процедуры никто не отменял. После обеда к нам в палату ворвался искрящийся молодой энергией человек с повозкой, на которой лежали разные загадочные предметы. Он сказал, что обер-арцт назначил нам обоим SKM. Эту аббревиатуру мне расшифровать так и не удалось. А выглядело это так. Он начал с моего соседа, что дало мне возможность хоть как-то сориентироваться. Нужно было раздеться до половины и подставить врачу спину. Тот тщательно протёр её дезинфицирующей салфеткой, затем нанёс на спину тонкий слой вазелина и, взяв с повозки устройство похожее на банку, снабжённую отсосом, присосал её к спине испытуемого и стал вращать в течение 5 минут. Мой Вильфрид спокойно сносил это и даже удовлетворённо улыбался. Я же не смог выдержать и минуты (такая была мышечная боль). Мне показалось, что доктор даже испугался и, прекратив процедуру, сказал, что будет советоваться со старшими товарищами. После этого мероприятия мы обнаружили на своих спинах изрядные кровоподтёки. Хороший инструмент для камеры пыток.

Отлежавшись, пошёл на очередную прогулку по новому маршруту. Преодолев бесчисленное количество подъёмов и спусков, пройдя едва ли не по асфальтированной дорожке между двумя свежевспаханými полями, я попал в дубовый лес. Как говорят в Одессе, вы таки будете смеяться, но я шёл через лес по достаточно широкой тропе, вдоль которой через 100-200 метров стояли удобные деревянные скамейки. Каково же было моё удивление, когда я прямо вышел на небольшое лесное кладбище, где были захоронены 151 советский военнопленный. Кладбище представляет собой шесть узких террас, вдоль которых расположены скромные солдатские могилы. На каждой могиле лежит квадратная гранитная плита с выбитыми на ней именами, фамилиями и датами рождения и смерти. Под этими данными, на всех плитах одинаково, стоят ещё два слова «советский гражданин». У входа на нижнюю террасу стоит мемориальная стела, на которой на двух языках безэмоционально, но уважительно написано, кто здесь похоронен. А, судя по ошибкам в русской части текста, понятно, что стела установлена немцами. У подножья лежал трогательный небольшой веночек

из свежих цветов с алой лентой от какого-то металлообрабатывающего предприятия. При входе же на верхнюю террасу стоит, судя по виду, не очень давно установленная, вторая стела с уже только русским текстом, где чётко и жёстко сказано, «здесь нашли вечный покой советские военнопленные, погибшие от рук фашистских извергов». Я прошёлся вдоль всех могил, читая эти горькие надписи. Много было совсем молодых солдат, попадались и женские имена. Ничего нет страшнее войны! Прошло столько лет, но всё равно полез за валидоллом...

На обратном пути я присел на одной из скамеек под дубом вековым. Попрошу без напрашивающихся ассоциаций. Толком не удалось отсидеться, потому что при малейшем дуновении ветерка я подвергался интенсивной бомбардировке жёлудями. Вскоре мне попался местный житель, который охотно рассказал, что в Бланкенштайне был небольшой лагерь для советских военнопленных, выполнявших принудительные работы на том самом металлообрабатывающем заводе. Сегодняшние его хозяева старательно ухаживают за этой скорбной территорией.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Прогноз погоды позволяет надеяться, что замечательное бабье лето продлится до конца моего здесь пребывания. Вот и сегодня утреннее распахивание портьер занесло в палату вместе с солнечными лучами бодрость и необъяснимо радостное настроение. Мы, как всегда, сели бриться и очень развеселились, потому что одновременно стали себе под нос что-то напевать. Почти по Ю.Олеше. Его повесть «Зависть» начинается словами – «А по утрам он пел в клозете. Можете себе представить, какой это был жизнерадостный человек».

Утренний визит палатного врача закончился сеансом группового (обоим) иглоукалывания. Доктор настолько вошёл в раж («Знай колет. Всю испортил шкуру»), что ему пришлось сбегать за дополнительными иглами.

После обеда у нас по плану была очередная лекция, на которую я тоскливо поплёлся, прихватив, правда, с собой электронную книгу. Устроился в последнем ряду, чтобы иметь возможность незаметно читать. В назначенное время в зал вошла средних лет дама в белом халате и уже с первой фразы завоевала внимание всего зала. Темой было лечение простуды и разнообразных болевых синдромов народными средствами. Она говорила рубленными короткими фразами, внятно и убедительно. Как ни странно, я понимал каждое слово. После конца лекции я подошёл к ней, чтобы задать пару вопросов и поблагодарить за интересно проведенное время. Неожиданно она перешла на русский и сказала: «Пусть они не думают... Оказывается, мы тоже что-то можем!». И в этой короткой фразе прозвучала щемящая обида человека, которому, очевидно, регулярно напоминают о его второсортности.

День завершился уже привычной часовой прогулкой и вечерним общением с компьютером.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Ежеутренний врачебный обход. Точнее облёт. Доктор бодро с надеждой на не огорчающий ответ поинтересовался моим самочувствием. И я, как мне показалось, также бодро ответил ему, что будет, я надеюсь, ещё лучше. Ему это понравилось и он спросил, что же больше всего в данный момент беспокоит. Узнав, что это левое колено, тут же всадил в него некоторое количество игл. Но, оглянувшись, увидел, что мой сосед по палате застыл в ожидании чего-то подобного. Деваться было некуда, и на его, кстати, тоже левой ноге немедленно вырос прозрачный лесок иголок.

Сегодняшняя процедура окунания меня в грязь болотную прошла бы без особенностей, если бы ни одно немаловажное обстоятельство. Мною занималась молоденькая хорошенькая сестричка. И вот уже я лежу перед нею, надо тут обязательно заметить – на спине. Мысленно перефразируя известные строчки А.Галича – «вот лежу я перед вами вовсе голенький»,

молю, чтобы меня поскорее укутали. Но сестричка попалась старательная, а потому процесс укутывания длился, как мне показалось, мучительно долго. Но, переступив этот стыд и срам, я в конце концов расслабился и стал получать удовольствие.

Мой сосед по палате Вильфрид поинтересовался, что я столько времени делаю за компьютером. И я, как мог, объяснил, что последние 5-6 лет от обилия свободного времени стал пробовать себя в качестве литератора-дилетанта. И к этому времени выпустил малыми тиражами уже пять книжек, которые, кроме того, выложил в интернете на своём сайте. Он захотел на них глянуть, и мы с спустились в кафетерий, где я показал ему обложки всех книжек. Разумеется только обложки, поскольку он не знает русского языка. Но Вильфрид этим не удовлетворился и заставил меня хотя бы коротко рассказать, о чём каждая из них. Скажу по чести – писать их мне было куда как легче.

Вечером мы с ним будем смотреть футбол. Второй день подряд проходит очередной тур Лиги чемпионов Европы. Так что и здесь у нас обнаружилась общность интересов.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

В соседней палате обретается ещё один русскоязычный житель Германии – некто Борис. Выходец из Донбасса. В первый же день нашего знакомства речь, разумеется, зашла о войне в Украине. Именно о войне, поскольку только война, пусть и с новомодным названием – гибридная, может быть источником крови, которая до сих пор льётся. Но этот господин поспешил мне сообщить, что Путин прав, а виноваты во всём пиндосы, то-есть американцы. Я немедленно разговор прекратил, понимая всю бессмысленность его продолжения. С тех пор мы с ним встречаемся только на медицинских площадках.

Сегодня утром он неожиданно подошёл ко мне и сказал с улыбкой, что я и мой сосед по палате очень похожи. Это меня удивило и я по простоте душевной напомнил ему милую старую одесскую шутку. Встретились две пожилые дамы и одна другой говорит: «Наши Ёся и Мося, как две капли воды, особенно Ёся». Мой собеседник угрожающе покраснел и дрожащим голосом воскликнул: «Так вы ещё и антисемит!». Такого в свой адрес за всю мою долгую жизнь слышать ещё не приходилось. Жидовская морда – было, а антисемит – никогда. Поблагодарив Бориса за пикантность доставленного ощущения, я удалился с гордо поднятой головой.

Перед обедом нам прочитали очередную лекцию. Темой стала – здоровая диета. Докладчица пыталась нас убедить, что, если отказаться от всего вкусного (в моём понимании), то нам практически обеспечена долгая, если не бесконечная, то во всяком случае здоровая жизнь. Но я такой жизни категорически не хочу. Это не значит, что надо жрать всё подряд, включая заведомо вредную пищу, но отказывать себе в одном из последних удовольствий, оставшихся на старости лет, не хочу и не буду!

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Я так понял, что в последний полноценный рабочий день (а речь идёт о пятнице), доктор решил дать мне перед выпиской контрольную нагрузку – на выживание. Процедуры следовали одна за другой с такой плотностью, что я даже отказался от ужина. И кстати об ужине. Здесь в клинике я обратил внимание на то, как немцы едят. Многие, присев за стол, на мгновение замирают, вознося короткую благодарственную молитву Всевышнему. Большинство красиво и даже аппетитно владеют столовыми приборами. Но мне бросилось в глаза другое. Они после себя ничего не оставляют на тарелках. Вообще-то я знал, что у немцев считается моветоном не доедать до конца, но, чтобы ни крошки, ни капельки... В результате на подносах остаются тарелки, сверкающие своей лживой девственностью.

Зато в обед я дал разрядку своей врождённой язвительности. Нас-натуралистов снова кормили изделием из тофу. Не буду врать – было вполне съедобно. Но это безобразие под видом еды воспринимаю, как личную обиду. И вдруг за соседним столом я увидел нашего

диетолога, которая уплетала за обе щеки свиную отбивную. Это уже было выше моих сил. Ещё намереди она нам в стихах и красках рассказывала о вреде любой вкуснятины. А теперь... На лекции на заданный мной вопрос о необходимости строго придерживаться предложенной диеты, особенно глубоко пожилым людям, она в ответ лишь улыбнулась. Сейчас я встал и, подойдя к ней, тоже улыбнулся и пожелал приятного аппетита. Мне показалось, что она была смущена.

Завтра выписывается мой сосед, с которым мне было очень комфортно все двенадцать дней. Вечером мы признались друг другу во взаимной симпатии и это было совершенно искренне. Уже утром в палате появится новенький. И пусть мне здесь осталось быть всего два дня, я думаю о появлении нового лица с большой настороженностью. Очень не хочется, чтобы в бочку мёда попала даже чайная ложечка дёгтя.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Ещё нам обоим оставались назначенные процедуры, но уже после завтрака началось затяжное прощание. Вильфрид с большим усилием втиснул в чемодан разбежавшиеся по всей комнате вещи и отбыл в свой Билефельд. Меня же ждал приятный сюрприз. В праздничные дни (а это была юбилейная годовщина объединения Германии) новые пациенты в клинику не поступают. Это значит, что по крайней мере одну ночь я проведу в гордом одиночестве. К сожалению, я не смог проводить моего милого соседа, потому что вынужден был идти на очередную процедуру, произносимую по-немецки коротко и понятно - рюкеншуле, а по-русски требующую многословного объяснения. Примерно так: как поддерживать в хорошем состоянии мышечный корсет позвоночника. Простым и понятным это становится лишь во время демонстрации упражнений.

Нежданно-негаданно в палату вошёл густо покрытый веснушками рыжий молодой человек с плохо скрываемым голубым оттенком и выразил желание повторить процедуру SKM, которую я не смог перенести в прошлый раз. Он долго уговаривал и я согласился, памятуя, что, если прокурор говорит садитесь, то не удобно стоять. Правда, я с трудом выдержал положенное время, а он – мои стоны.

В обед нас угостили отварным лаксом с молодой картошкой. В таких случаях в Украине насмешливо произносят: «Щось у лісі здохло». Это придавало оптимизма и я пошёл посмотреть, что собой представляет рыцарский праздник. За вход на территорию замка брали по 3 евро. Организаторы постарались придать средневековому подворью аутентичный вид. То там, то здесь можно было столкнуться с ряжеными в рыцарском облачении, в задачу которых, по всей видимости, входило придавать празднеству необходимый антураж. Но и многие гости праздника прибывали в разнообразных карнавальных костюмах, соответствующих, по их мнению, средневековой.

Всё пространство было заставлено шатрами, в которых при определённой неосмотрительности можно было без труда оставить внушительное количество денег. Вне конкуренции были питейно-едовые точки. Там то и толпилась основная масса народу. Между ними расположились лавчонки, торгующие всякой всячиной – ювелиркой, керамикой, деревянными поделками и иными сувенирами, подчёркивающими принадлежность происходящего к старине глубокой. Большой интерес вызывали мастера старых народных ремёсел. Можно было посмотреть, как измождённый тяжким трудом (в чём только душа держится) кузнец ловко орудует тяжёлым молотком, сопровождая своё общение с наковальней сомнительными шутками. Привлекал к себе внимание публики молодой человек в пёстром наряде, отливающий прямо на глазах изящных оловянных солдатиков. Вызывал всеобщее любопытство причудливый шатёр гадалки, украшенный загадочной и даже таинственной атрибутикой. Сама же хозяйка шатра внешне напоминала американскую звезду Шер в молодости.

Мне очень понравилась идея тира для стрельбы из лука. Заправляла этим некая дама необъятных габаритов, прикрытых коричневой монашеской (почему-то) сутаной. На

деревянном стенде была вывешена бумажная мишень – большой портрет дикого кабана. Площадка для стрелка находилась на расстоянии 5 метров от мишени. Каждый выстрел стоил 2 евро. Когда кабан ошетикивался лесом вбитых в него стрел, гигантская хозяйка с лёгкостью их выдёргивала и вновь заполняла колчан. Блестящая коммерческая идея. Практически никаких затрат. Доходно-безотходное производство.

На радость детям посреди двора установлена деревянная катапульта, которая стреляет воздушными шариками, заполненными водой. Снаряд, разбиваясь о стену, окатывает брызгами зазевавшихся посетителей. Всё это сопровождается живой музыкой, разумеется в маршевых ритмах, что очень воодушевляет народ. Кто подпевает, а кто и пританцовывает. Я же, послонявшись везде, наслушавшись и насмотревшись всего, понял, насколько оказался чужим «на этом празднике жизни». Я смотрел на всё происходящее холодным взглядом стороннего наблюдателя, сожалея о том, что рядом не было близкого человека, с которым можно было бы поделиться, несколько смягчив тем самым сложившееся впечатление. Однако, пора было возвращаться. И тут я вспомнил фразу из статьи «Памяти Герцена» вождя мирового пролетариата - «Страшно далеки они от народа». В этом, он, пожалуй, оказался прав.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Во-первых, он последний! Ура! Во-вторых, это воскресный день и, следовательно, мало процедур. И, в-третьих, я по-прежнему один в комнате. С утра пораньше меня посетил врач только лишь затем, чтобы узнать, как я себя чувствую. Я его порадовал. До отъезда домой осталось ровно 24 часа. Ура!!!

После обеда собрал чемодан, на который уже мог смотреть практически без ненависти, поскольку завтра за мной приедет машина, и мне на сей раз уже не придётся надрываться. Управившись с этим, отправился на свою последнюю прогулку по окрестностям Бланкенштайна. Я пошёл по незнакомой узкой змееподобной улочке с пёстрыми фахверковыми домами и неожиданно наткнулся на табличку с указанием на рядом стоящий исторический домик. В нём в XIX веке жил и работал выдающийся садовод с фамилией, легко воспринимаемой, хотел написать украинским ухом, но во-время одумался. И так, с фамилией легко воспринимаемой человеком из Украины. Его звали – Карл Фридрих Гетман. Прославился он созданием ступенчатых садов, на террасах которых выращивал розы самых разных сортов. Пройдя через подворье дома, я очутился в его саду, который заботливо поддерживается потомками Гетмана. Несмотря на октябрь месяц, террасы сада украшали кусты цветущих роз. Из прелестной беседки, находящейся на самом верху сада, можно было любоваться сбегающими вниз яркими террасами. Город бережно хранит память о своих знаменитых согражданах.

И последнее. Всё-таки я приехал сюда лечиться, и надеюсь, что усилия, которые здесь были затрачены на меня, не пропадут бесследно. Какое-то облегчение я почувствовал сразу, какие-то рекомендации на будущее мною были приняты полностью и безоговорочно, а что-то, учитывая мой скверный характер, будет принято лишь частично. В любом случае мне показалось, что произошла перестройка (нет, сегодня лучше сказать перезагрузка) в моём сознании. Я буду пробовать постепенно удаляться от химии, упакованной в таблетки и шприцы, и приближаться к простым средствам, предлагаемым матушкой природой. Беспокоит лишь один вопрос – не поздно ли?

Бланкенштайн, 21.09.15 – 05.10.15.